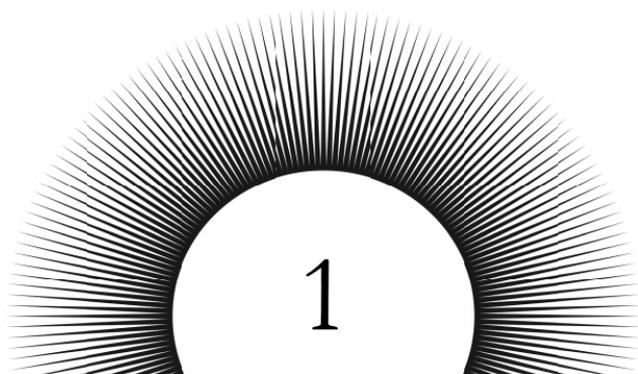

Плени его сердце.
Укради его корону.

*Мелиссе Стивенс,
яркому, прекрасному лучику
в книжном сообществе,
источнику вдохновения и дорогому другу.*

Вспыльчивый нрав отца был таким же жестоким и постоянным, как никогда не заходящее солнце и его кипящая ненависть ко мне, его третьему ребенку и дочери единственной женщины, что превратила его сердце в пепел.

Его темные глаза горели гневом, когда он стоял передо мной, дрожа от злости. Я задавалась вопросом, видел ли он нечто большее, чем черты моей матери, когда смотрел мне в лицо. Видел ли он также ее непокорность?

Мне надоело наблюдать, как даже жрецы относятся к нему со страхом и большим уважением. Убийца.

Ярость взяла над ним верх.

Его лицо покрылось пятнами, губы задрожали, и он ударил меня. Громкий треск испугал кротких жрецов, когда ладонь моего отца соприкоснулась с моими губами.

Их песнопения затихли на несколько ударов сердца, пока страх не заставил их продолжить. Они в унисон позвысили голоса, распевая особенно приятный гимн в честь Сол. Убеждая ее обратить свой

взор и свою великую, пылающую силу на нас. Когда жгучая боль пронзила мой рот и нос, я задалась вопросом, что Сол на самом деле думает о своем Ато-не, стыдится ли *она* его действий или наслаждается моим унижением так же, как и он.

Слезы подступили к моим глазам, но я крепко зажмурилась и запретила себе плакать, умоляя Сол превратить их в пар, прежде чем они смогут пролиться. Отец же ждал, мечтая увидеть, что сильнее: боль, которую он причинил, или моя воля.

Моя воля всегда будет побеждать в наших битвах, и однажды — *однажды* — я поклялась выиграть войну, бушующую между нами.

Борясь с желанием сжать губы, чтобы оценить ущерб, я не двинулась с места. Непокосимая, как сама Сол. Подобно богине, я тоже горела.

Расправив плечи, выпрямив спину, как стрела, я повернулась к нему лицом. Даже когда вкус крови наполнил мой рот, а красный ручеек медленно скатился по моему подбородку, пролившись на горячий камень между моими босыми ногами, я и глазом не моргнула. Не отвела взгляд. Не преклонилась.

— Ты так похожа на *нее*, — прошипел отец. — И если я добыю своего, ты разделишь ее судьбу.

Он снова поднял руку, как будто хотел ударить меня во второй раз. На этот раз я приготовилась не только морально, но и физически, превратив каждый мускул своего тела, даже те, что на моем лице, в камень. Подобно великой статуе Сол, возвышающейся рядом с нами. Ее огромные руки простирались к шару света, что согревал нас и давал жизнь нашему народу. В этом шаре было достаточно мо-

щи, чтобы отбрасывать лишь самые маленькие тени у ее основания.

Все во мне кричало дать отпор, наконец-то защититься, но я знала: если ударю Атона, если хотя бы остановлю его нападение, даже жрецы Сол не смогут меня спасти. Их песнопения прольются на мое тело, лежащее на алтаре сожжения рядом с Джобой.

Джоба — восьмая жена отца — лежала на спине на плите из блестящего мрамора. Мертвая, как и те семеро, что были до нее. Как и моя мать.

Она лежала немного дальше, прямо позади отца. Я достаточно изучила ее за те часы, что прошли с момента ее ухода из этой жизни, чтобы точно знать, как она выглядела.

Песня жрецов была прекрасной и безмятежной. Они продолжали исполнять свой долг, изо всех сил стараясь игнорировать или, возможно, рассеять то, что происходило между Атоном и его дочерью. Семь голосов вытягивали душу Джобы из ее телесного дома, из костей женщины, потому что после-полуденное солнце покрывало волдырями ее некогда прекрасную кожу.

Я подумала, могла ли она смотреться в зеркало, ведь именно ее красота привлекла внимание Атона. Мне было интересно, парила ли ее душа над нами, наслаждаясь тем фактом, что ее прекрасное лицо изуродовано.

После смерти Джоба выглядела более умиротворенной, чем я когда-либо видела ее при жизни. Длинные темные ресницы касались ее щек. Шелковистые черные волосы блестели на подушке, подложенной под голову. Один из жрецов изящно сложил ее руки на животе.

Она была примерно моего возраста, когда ее вырвали из того, что обещало быть прекрасной жизнью, и заставили жить так, как она ненавидела. В то время она была помолвлена с мужчиной, которого любила и который любил ее в ответ. Моего отца пригласили присутствовать на церемонии обручения. Он бросил один взгляд на будущую невесту и решил, что она — драгоценность, которую ему не помешало бы поместить в свою сокровищницу. Он обвинил ее в измене, а жениха приказал казнить прямо среди пира и цветов, разложенных в честь счастливых новобрачных. После чего Атон похитил Джобу, будто она уже принадлежала ему.

Когда через год ее чрево осталось бесплодным и она не произвела на свет наследника, о котором он всегда мечтал, Атон нашел жену мертвой в своей постели — точно так же, как до нее находил семь других жен. Даже жрецы не осмеливались расспрашивать Атона об отметинах, украшавших горло его жены.

На каждом из тонких пальцев Джобы было наде-то замысловатое золотое кольцо, а на ее неподвижной груди громоздилось множество позолоченных ожерелий. Манжета, которую отец заказал для каждой из своих жен, все еще украшала ее предплечье, даже после смерти отмечая женщину как собственность Атона.

Но она больше не принадлежала ему, верно?

Смерть дала Джобе шанс убежать от моего отца. Хотя она и лежала в огне, казалось, что она наслаждается расстоянием между ними, расстоянием, которое не мог преодолеть даже могущественный Атон.

ДОМ ЗАТМЕНИЙ

Неужели я вообразила дразнящую ухмылку на ее губах?

Сквозь кровь, капающую из раны, мог ли отец увидеть, что я надела такую же?

Капли собирались вместе, а затем падали с моего подбородка.

Всплеск. Всплеск-всплеск. А потом раздалось шипение пара, когда Сол приняла мою кровь как свою собственную.

Темные глаза отца сузились, прежде чем он медленно опустил руку, как будто все еще обдумывал второй удар или что-то гораздо худшее. Лучи Сол отражались от его бритой головы. Секунду спустя он повернулся ко мне спиной, подошел к Джобе и навис над ней. Он поднял руки высоко в воздух, прежде чем воззвать к Сол. Воздух вибрировал от пульсации сухого, жестокого жара. Отец поднес женщину ближе, так, что изнуряющие лучи сосредоточились на теле Джобы. Кожа, покрытая волдырями, начала пузыриться и кипеть. Следы обугливания появились на ключицах, на острых скулах и челюсти как раз перед тем, как появились первые изящные языки пламени.

Оно медленно танцевало над ней. Ритм песни жрецов изменился, а мужчины начали раскачиваться взад и вперед на коленях. Все семеро зывали к богине, и пламя последовало за торопливым, лихорадочным ритмом. Вскоре ад взревел над Джобой, поглощая ее так же, как и отец. Она стала хрупкой, быстро превратившись всего лишь в невзрачную кучу пепла и осколков костей.

Сол принимала только хорошие стороны человека — его сердце, если оно было чистым, его душу,

если она все еще была сделана из света, его плоть и органы, которые давали жизнь телу, если они не были поражены.

Только то, что она сочла неприемлемым, нам предстояло развеивать по песку, из которого она нас сформировала.

Мне было интересно, примет ли ее пламя какую-нибудь часть тела Атона, когда *он* сам умрет, или мы похороним его целиком. Ведь в нем не осталось ничего чистого.

Я задавалась тем же вопросом и в отношении себя.

Отец не остался, чтобы посмотреть, как жрецы сметают останки Джобы в гладкую золотую урну. Он не собирался быть тем, кто развеет ее прах по дюнам. Его темные глаза встретились с моими, когда он направился к нам, трем своим дочерям.

Зарина, самая старшая, высоко держала голову и всегда молчала в присутствии отца. Атон верил, что Сол выберет ее своей наследницей. Только была ли она вообще частью богини солнца? Я не могла почувствовать от нее и намека на тепло. Зарина была высокой, гибкой и достаточно красивой, но казалось, эта девушка сделана из чистого льда. Такая же холодная, как и отчужденная.

Отец одобрительно кивнул, проходя мимо нее. Затем он, пропустив короткий поклон, что бездумно отвесила старшая дочь, сосредоточился на Ситали, которая стояла между Зариной и мной.

Ситали ненавидела меня почти так же сильно, как я ненавидела ее. Она была на год старше и верила, что моя мать была причиной того, что Атон убил ее мать. Ситали была глупой. Она обвиняла женщин, а не отца в постоянной смерти, что присутствовала в нашей семье.

Ситали не была такой статной, как Зарина, — почти на голову ниже меня и очень худая. Тонкие черты скрывали от большинства людей суровое, жадное сердце. Однако я знала ее лучше остальных. Глаза, темно-карие с оттенками темно-серого и острые, как осколки стекла, часто кричали, даже когда губы оставались закрытыми. Эти глаза были обращены ко мне. Улыбка играла на ее неповрежденных, идеально изогнутых губах.

Отец кивнул Ситали, и она низко поклонилась — ниже, чем требовал обычай. Ситали *всегда* выходила за рамки. Начиная с подобных случаев, когда она отчаянно пыталась привлечь внимание отца, заканчивая ее бесчисленными попытками убить Зарину и меня.

Всегда за пределами...

Отец остановился передо мной. Мой взгляд упал на ожерелье с воротником из бисера — смесь голубого, зеленого и золотого. Он приподнял мой подбородок, от чего челюсть щелкнула по моему языку. Я перевела взгляд на его лицо.

— Поскольку ты прервала уход Джобы, тебе будет поручено рассеять ее прах, — сказал он, ожидая моей реакции.

И снова моя воля оказалась сильнее его.

Отец вновь посмотрел на меня: мускул дрогнул на его челюсти, тонкая верхняя губа скривилась

в отвращении. Он пошел прочь. Двое из старших жрецов с трудом поспевали за его пышущей гневом походкой. Мышцы на плечах и спине Атона вздувались с каждым шагом, а горячий ветер развевал его плиссированный белый килт в стороны, как будто пытался столкнуть отца с плоской вершины храма. Как бы мне этого хотелось!

Мужчины исчезли из виду, спустившись по большой лестнице, что вела на каменную улицу, к Дому солнца — дворцу, который когда-то был моим домом, безопасным местом, где я была любима и желанна. Теперь же это место стало не чем иным, как тюрьмой.

Зарина тихо удалилась, подняв голову и расправив плечи. Хоть она и последовала за отцом, но благоразумно держалась от него на расстоянии. Ситали наблюдала, как жрецы заканчивают работу, сметая то, что осталось от Джобы, в большую золотую урну. Один из прислужников отца закрыл огромный сосуд крышкой и поднял его, чтобы лучи Сол отразились от ее идеальной полированной поверхности.

— Наслаждайся своим временем в дюнах, сестра, — насмеялась Ситали. — Скоро ты сама соединишься к песку.

Я сверкнула глазами:

— А как насчет тебя? Когда Сол выберет Зарину, как думаешь, что будет с тобой, Ситали? Тогда ты ему больше не понадобишься.

Она откинула свои длинные темные волосы с плеча и скрестила руки на груди.

— У отца нет причин убивать меня. Я никогда не противлюсь его воли.

ДОМ ЗАТМЕНИЙ

— Возможно, так и есть. Возможно, вместо этого он продаст тебя тому, кто больше заплатит.

Она прищурила свои темные глаза. Я была права, и она это знала. Отец не любил своих дочерей. Он никого не любил, кроме себя и власти, которую давала ему должность Атона.

Меня бы не удивило, если бы он убил нас троих только для того, чтобы Сол не выбрала преемника и оставила его у власти. Я верила, что только страх вызвать гнев богини удерживал отца от подобного.

Ситали оставила меня и последовала за Зариной. Их безупречные платья развевались на сильном ветру, пока они спускались по ступеням храма, мощенных камнем, чтобы войти в Дом солнца. Глава отцовской стражи задержался у подножия лестницы. Он пошел в ногу с Ситали, намереваясь проводить моих сестер домой. Он знал, что лучше не ждать, пока я присоединюсь к ним.

Отец сделал вид, что единственная причина, по которой я понесу Джобу в дюны, заключалась в том, что сегодня я заслужила наказание. Однако никто и так не сомневался, кому из дочерей Атона будет поручено отнести Джобу обратно на песок. В семь лет я унесла в дюны урну с прахом моей матери, а после уносила все остальные. Четвертой, пятой, шестой и седьмой жены отца. Все они были мертвы.

Убиты его руками.

Никто не мог — или, возможно, не хотел — родить ему наследника.

Отец думал, что поручить мне такую жуткую работу было наказанием, но я считала большой привилегией и честью нести пепел и кости женщин, которые ненавидели его. Ибо это нас роднило.